

Что с нами сделали? Пушкин поднимал бокал за братство и песню племен. Лермонтов славил гордый Кавказ. Некрасов простонал на всю Россию. Есенин взял у них желание и надежду на очарование грядущим.

Но мы оказались в слезах и крови новой гражданской войны. Гибнут русские, армяне, осетины, азербайджанцы. Украину и Россию толкают в бойню. А Горбачев едет по Москве. Автомобиль тупорылый. Охрана за ним. Еще автомобиль тупорылый. Вихрь. То - холуи пылью завиваются...

Едет Горбачев, а мимо окна - длинные очереди. Женщины, жертвы его бесовской перестройки, молоко и хлеб добывают для детей, внуков и стариков. Продавщицы злые. Очередь злая. Надвигается на прилавок, а ни молока, ни хлеба нет. Будет ли?

Куда же едет в бронированном тупорылом автомобиле бывший президент Горбачев? Не сидится. Разорил, разгромил великую страну и едет? И суда над ним не предвидится? Залазит в телецентр и с экрана советует, печется: "Я русский, я за Россию борюсь!.."

Боже мой. Боже мой, как обессовестеть и обезуметь можно: предать народ и улыбаться? По распятой России едет. Очередь, замечая черный тупорылый автомобиль, вздрагивает и поворачивается:

- Лучший немец поехал, фриц!..
- Немцы благодарят, а русские проклинаят!..
- Он нас не знает, русских, чужой!..

Сколько перестрадал и перестрадает русский народ из-за темного суетливого лидера, совершившего глобальное предательство, космического масштаба измену?

Поэт Сергей Есенин жизнь сжег на любви к России, а этот за предательство России в черном бульдожьем автомобиле едет. Едет мимо грязных пустых магазинов, мимо грязных голодных столовых, мимо русских несчастных очередей. Черт едет, дьявол.

Есенин предугадывал течение событий, платя за муки и сомнения стоном души и слова. К 1925 году поэт сформировался окончательно: прозрел и оперся в размышлениях на опыт народа и опыт истории. Безрадостность предвидения отягощала его, а разоренная стезя России веяла туманом.

Галина Бениславская, разорвав любовную связь между Седовым, сыном Троцкого, и собою, сравнивая и перебирая в памяти мелькнувших партнеров, убедилась: никому из них не одолжено Господом золотого теплого сердца, отзывающегося трепетным звоном

на человеческий вздох, никому, никому, только - Есенину. Это сердце - не обмануть. От этого сердца - не уйти...

"Я опять больна. И, кажется, опять всерьез и надолго. Неужели возвращаются такие вещи. Казалось, крепко держу себя в руках, забаррикадировалась, и ничего не помогло. И теперь хуже. Тогда я была моложе, верила в счастье любви, а сейчас я знаю, что "невеселого счастья залог сумасшедшее сердце поэта", и все же никуда мне не деться от этого. Опять тоска по нем, опять к каждой мысли прибавляется это неотвязное ощущение его. Опять все скучны".

Вот что выстрелило у могилы, а не пистолетик... От Сергея Есенина Галя ушла, а от молитвы его и покаяния его нет. А Есенин весь - молитва, весь - покаяние!

Встретясь с братом, Есенин подробно, я уверен, слышал о Саше раньше и ждал. Знал Сергей Есенин и о скорби матери, попреках ей со стороны родни отца. Знал Сергей Есенин и о девичьей беде своей матери: любимый на ней не женился, а нелюбимому она родила "четырёхмесячного" сына, скоро умершего... Разве такого чуткого, такого гениального парня провести, разве зашифровать его догадки в молве? Наивно.

А в чем вина матери? В том, что ее верность и ее свет, ее нежные цветы вспыхнули, но погашены равнодушием и неосторожностью? Есенин, ее сын, поэт ее и философ, лечил ее:

*Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.
Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
"Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой".
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса,
Душегубкою-змеею развилась ее коса.
"Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу".
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.
Не кукушки загрустили - плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе, -
Хороша была Танюша, краше не было в селе.*

И "я женюсь на другой", и "за другого выхожу", "верховые прячут лик" - биография погубленной красоты, образ ладной и восторженной Танюши, растерзанной необузданными претензиями закоренелой грубости... Насмешки. Оскорбления. Угрозы. Чужая семья. Ревность и взрывы ненависти мужа. А душа-то у Тани колокольчиковая, голубая, куда ее спрятать? Да и муж - не деревянный...

Александр, брат Сергея, говорит: "Ввиду постоянной неурядицы моей матери с отцом Сергея, мать была вынуждена уйти из семьи в г. Рязань, оставив маленького Сергея на воспитание деду Титову Федору Александровичу, ему было четыре года". В Рязани Татьяна Есенина встретила с добрым и заботливым человеком, полюбившим ее: родился Саша.

Двоих сыновей воспитывать было тяжело, и мать была вынуждена обратиться в народный суд с требованием развода или паспорта, чтобы иметь право жить в г. Рязани. Суд состоялся в том же городе, судил их земский начальник. Татьяна Федоровна на суде была с двумя сыновьями, с Сергеем, и Александром, на суде муж отклонил требование о разводе и потребовал ее возвращения в семью. Требование уперлось в требование.

Не вынося укоров и брани, Татьяна Федоровна, через семнадцать дней, появилась вновь в Рязани и устроилась на должность кормилицы в детский дом, прихватив с собою и Сашу. Но развод отклонен - возвращение неминуемо. И мать просит подругу Екатерину Разгуляеву взять на воспитание Сашу.

Отдавая, потеряла сознание. А когда повозка тронулась, через версту, полторы, крик: мать с распущенными волосами... Подбегает, обезумевшая: "Боже мой! Я забыла с ним проститься. Дайте моего ребенка, я еще раз прижму его к груди". Берет на руки, прижимает к груди, целует, заливаясь слезами. Затем хватает себя за волосы и рвет прядь с кровью, кровь заливает лицо"...

И годы, годы мать, как горная орлица, на отдалении неумоимо сторожила сына: "Вдруг 5 января в два часа ночи стук. Вышла Екатерина Петровна: - Кто там?

- Это я, Сашина мать, откройте мне!.." Сторожила умно, щедро, благодарно: "Дорогая подруга, Екатерина Петровна, я очень прошу приехать ко мне с моим сыночком Сашенькой на несколько дней. Я очень соскучилась по нему, к вам я приехать не могу, нет никакой возможности. Дочь Катя маленькая, а Шуру кормлю грудью. Сережа находится в Москве у отца. Убедительно прошу Вас приехать ко мне, жду с нетерпением. Целую Вас. Оденьте Сашеньку потеплее, чтобы он не простудился. Я за него беспокоюсь!"

Приехали. Александр вспоминает: "...вот подбегает ко мне, берет на руки, целует в лоб, волосы, щеки, глаза и плачет. Вносит меня в избу:

- Сейчас я тебя напою, накормлю и согрею!.."

Мы, малосведущие люди, роясь в судьбе великого поэта, всерьез принимаем: "Есенин кровью написал стихи Эрлиху потому, что поэты и раньше Есенина писали посвящение кровью". Наверно. Кровь стихов Есенина - не от крови ли матери, бегущей за повозкой ускользающего ребенка?

Зимняя степь. Сверкающие инеем березы. Белые холмы. Высокие суровые звезды над ними. И - оледенелое пространство. И - скрипучая русская дорога. И - снег по краям. А на дороге - мать. Волосы рвет, судьбу прокликает...

Ну, вы, есенинцы, родные мои, разве трудно угадать, чему и кому жалуется поэт, о чем и о ком, а?

*Я вижу - в просиничном платке,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках.
Она несет для мира снова
Распятый воскресшего Христа:
"Ходи, мой сын, живи без крова,
Зоркой и полдней у куста".*

Личное, от детства и до предсмертного часа, перевоплощается в поэте в твое и мое, в наше, человеческое, счастливое или несчастливое, но перевоплощается и утверждается: дар поэта раскрывает увиденное и пережитое, приобщенное к своему народу, как весной природа - цветы показывает нам, печальные они или веселые, смотри и проникайся...

Не надо натужно втаскивать в творческую биографию Есенина "детали и приметы" его живой биографии, но и не замечать такое - слепота:

*Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.*

Да, "Бил ее выгонщик грубый на перегонных полях", но совсем ведь не о корове:

*Не дали матери сына,
Первая радость не впрок.*

Метко, как пулей, точкой узаконено: даже знаки препинания рассчитаны на главную мысль - выделить и обособить то, что поэт дает нам в подтексте... Касаясь ли больших событий, опускаясь ли над ручьем, склонясь ли над ромашкой, Есенин многозначен, масштабен, но многозначность и масштабность его слова усилена неповторимостью личного. Он достоверен собственным горем:

*По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...*

Пора нам заметить и поражение соединить "разрыв" по времени:

*Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.*

Ну?.. Есенинцы, не лицо ли матери, а? Не лицо ли России? Может- опровергнете?

Сергей Есенин не был ни пьяницей, ни хулиганом, ни распущенным женоедом. Уж чего он искал, к чему неостановимо стремился, так это - к уюту, к светлой семье, раненный с детства личной драмой матери.

Мать Есенина - слеза России. Действительно - дочь России: ее гнули, мяли, унижали, "орабынивали", но не смогли. Ну, разве она - не русская мать? Разве она - не Россия? Через есенинский род Батухан проехал в шатровой кибитке, Ягода прошуршал тайными "досье", Ежов и Берия проскребли инквизиторскими перьями.

Поэт создал из страданий своих, из "фамильных" трагедий и утрат образ любимой и создал он "лицо" матери, Магдалины лицо, и сильным сыновьим светом сердца опахнул его:

*В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Мавдалина.
Кто-то дерзкий, непокорный
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна - как в белой зыбке.*

Вспучил бельма... А не они ли, пятившиеся на "юбилее" Сергея Радонежского от Патриарха Алексия II, вылупляли будильни-коподобные зенки? Есенин горько биографичен и социально предсказателей - жестокая привилегия гениев:

*И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.
Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня.*

*И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.*

Похож - ребенок России, ее соловей и пророк, ее седой месяц, вечно плывущий над зимними оледенелыми просторами.

Погибла Бениславская. Погибла Дункан. Погибла Райх. И оставшиеся в живых не виноваты за страшную бурю, не захватившую их под свой убийственный зык. Расстрелян Наседкин, муж Кати. Расстрелян Георгий, Юра, сын Сергея Есенина и Анны Изрядновой...

Сестры, Катя и Шура, отмечались в НКВД, мать, Татьяна Федоровна, отмечалась в НКВД, через определенный срок: не сбежали бы, шпионы! И находятся люди, оправдывающие крысиное существо власти? Власти не было. Были палачи, имитирующие какую-то, внешне сносную, власть, а внутренне - расстрельные подвалы, а не власть.

Поэт чувствовал: не уцелеет русская открытость, втопчут новоордынцы русский уклад в русскую землю. И мысленно, царапая и укалывая душу о разочарования и трагедии, искал угол, а в нем - икону, символ нравственного и физического спасения:

*Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.
Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосая,
В юбчонке белой,
Стоит береза над прудом.*

Что это? Кто это? Это - совесть. Россию выбили и замучили. Нет пути назад. И лишь впереди - оклик прожитого, знак веры и воскрешения.

* * *

В июле 1925 года Есенин пишет стихотворение, в нем, как в книге, если вдуматься, рассказаны "наития" того, что случится с землей, с человеком, с Россией, когда извечная традиция человека добывать себе хлеб трудом своим и окружающую среду править и прибавлять им же, трудом своим, - ликвидируется.

Разрушение личного труда, личного присутствия в своем и в державном, замена этого личного на коллективно-бесхозное, где это личное не просто исчезает, а и осязания по себе в нас не оставляет, да еще мало - не благодарят тебя за честное личное, но и в любой момент, коли потребуется кому, пропесочат и обвинят...

Сергей Есенин с ужасом понимал: исайки и нинэли организуют "бригады" в селе и в городе, в школе и в прессе. Начнут руководить ими, холуйничать перед высшими чинами, предавать и продавать личный труд тех, кто и есть хозяин земли... Но если возделыватель поля раб - раб и правитель. Он - обманут холуями, ослеплен их усердием пропагандировать его "покровительство" и волю. Не до равенства.

"Каждый труд благослови, удача! Рыбаку - чтоб с рыбой невода, Пахарю - чтоб плуг его и кляча Доставали хлеба на года. Воду пьют из кружек и стаканов, Из кувшинок также можно пить - Там, где омут розовых туманов Не устанет берег золотить. Хорошо лежать в траве зеленой И, впиваясь в призрачную гладь, Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный, На себе, уставшем, вспоминать. Коростели свищут... коростели... Потому так и светлы всегда Те, что рано в жизни опростели Под веселой ношею труда. Только я забыл, что я крестьянин, И теперь рассказываю сам, Соглядатай праздный, я ль не странен Дорогим мне пашням и лесам. Словно жаль кому-то и кого-то, Словно кто-то к родине отвык, и с того, поднявшись над болотом, В душу плачут чибис и кулик".

Обобьют пахарю желание сеять, зарастет полоса полынью. Дом ссутулится. Дети родиться перестанут. Города людским хламом пополнятся. А труд и ратный подвиг в посмешище превратятся. Колос от земли, как человек от земли, оба - лишь к звездам растут...

Сдаю я экзамен по русской поэзии на Высших литературных курсах в 1965 году, а профессор Друзин:

- Захваливаете, захваливаете Есенина. Он не учел радости коллективного труда!..
- Колхозов?..
- Ну, ну...
- Колхозы Щипачев, Грибачев, Исаковский и Твардовский воспели, счастливы!..

- Кхе-кхе... - увиливает профессор. Литературные "парторги", с детства оторванные за уши от главного - горевой и нищей реальности, долдоны, ошарашенные съездовскими решениями и пленумными постановлениями, специально подбирали, "сочетали" и подавали читателю "идейно-мажорные" строки Есенина, нанося вред творчеству и образу поэта. Оболванивали .наивных. Но Есенин - выше "идейного мажора" и в тысячу раз ответственнее и нравственнее их замурзанных уголовных бород, впершихся в искусство, науку, экономику, историю и политику с револьвером: "Не согласен - застрелю!.."

С первого взрыва первого храма началось русское сползание во тьму, в междоусобицу и кровь. Все войны, последовавшие за этим взрывом, - навязанные нам войны оголтелыми "революционерами" планеты, жульем рынка... Все многомиллионные обелиски над братскими могилами - бессрочный укор нам. Выбили русский народ и растащили его по зарубежьям...

Друга Есенина, русского поэта Алексея Ганина, приговорили к расстрелу и быстро прикончили. За что? За что приговорили? И за что же прикончили? Русскому русским не быть? Сидит Есенин. В особняке у Дункан сидит. Паркет воском сияет. Зал - и ветру просторно. Свет высокий и спокойный.

Почему его не расстреляли? Разве Есенин достойнее Ганина, честнее, решительнее? Древний свет в зале и покой древний, а лада на душе нет, то пугаческим огнем заметется она, красным пожаром пропляшет по русским долам, то рязанской метелью завоет и свистом затеряется в грозных степях.

А Дункан с багряным шарфом танцует: "Есенин, Есенин!" - хохочет, а у самой слезы на крашенных ресницах горят и высыхают, тоскует увядающая красавица или чувствует смерть скорую, его смерть и свою смерть?

Свивается в кольца разгневанный шарф и развивается. Взлетает и падает перед Есениным змеем жарким, по-колдовски рассыпается и собирается из мелких частиц в дракона, крупного и хвостатого. Рябью заволкло взор Есенина. А Дункан танцует и приговаривает:

Гитара милая,
Звени, звени!

И звенит гитара. И друг его, еще не расстрелянный, Алеша, струны перебирает. Красный огонь мечется по залу, танцует пламя... Луначарский, лысый бабообожатель, появился и тут же исчез. Ягода открыл и закрыл двери. Блюмкин блокнот вытащил, зыряка, страницы слюнявит. Но утих огонь. Прижалось красное пламя к сердцу поэта. Дрожит, сиротливое и ненужное. А в другом зале, Белоколонном, гроб поставлен. И тоже люстры сверкают. Но никто не танцует. И люди, люди, бедные и богатые, чумазные и щеголеватые, старые немолодые, люди движутся и движутся к огненному гробу глянуть на вождя огненного. О смерти соскучились? Или и траурная очередь - мираж?..

Москва? Берлин? Рим? Нью-Йорк? Париж? Сидит Есенин и покачивает русой головой. Москва, Москва.

Лейбман, а по литературному произведению Чекистов, а по псевдониму Троцкий, по настоящей фамилии Бронштейн, вождь революционных масс, в "Стране негодяев" - лирический герой, чья бесья тень возжелала сделаться Гамлетом:

*Мне нравится околесина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыша
И глотал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.*

Хотят и хотят - не уймутся: Исайка - Есениным, а Лейба Троцкий - Гамлетом. Прочитав "Страну негодяев", Лев Троцкий, надо полагать, не остепенил аппетиты к величию укоризной и насмешками поэта. Он принял Есенина, пообещал ему содействие в открытии журнала в Ленинграде. Но душа Есенина и душа Троцкого не сольются в порыве русском.

Информация о Есенине, разумеется, постоянно доходила до Льва Троцкого. Есенин, видя кровавое перемальвание русских, бросался в трагический огонь правды, а Троцкий, видя непримиримое отношение Есенина к расправам над русским народом, зверел. Зверели и его подручные. Узел над головой поэта затягивался.

Считать же: как еврей, так враг поэта, как еврейка, так узурпаторша поэта, бессмысленно и глупо. Русские казнители не уступят казнителям еврейским, схожесть казнителей - зависть, ненависть к таланту, к совести и доброте. Да и в поклонницах и в женах поэта разоблачать лишь "чекистскую стратегию" смешно: американская разведка могла бы и помоложе Дункан подослать танцовщицу к Есенину - увезти его из России...

Исключать же в судьбе Есенина дьявольское око Троцкого и "тайные поручения" - наивь. Кровавый рассвет палачества не миновал золотой головы поэта. Страшно подумать: Гумилев, Блок, Есенин, Маяковский, Клюев, Васильев, Корнилов - самое лучшее, что дала нам русская поэзия того времени, - убраны пулей и травлей.

*И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый "Капитал",
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.
Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.*

И:

*Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.*

Ветер и сухие уста. Ветер и листья времени -с дерева жизни... А в Москве есть маньяк, похожий на Феликса Дзержинского: грязной панельной метлой очищает снег с цементного "котелка" Карла Маркса напротив Большого театра. Счищает и жалеет пролетарского лешего...

А как в "Анне Снегиной" дана деревенская юность? Как дана деревенская весна? Этот удивительный лунный час природы. Этот задыхающийся сад. Эти лебединые шорохи яблонь. Сергей Есенин - цветок земли, подсолнух земли. Мы часто забываем: судьба большого поэта - всегда поучительна и глобальна.

Разве способно вытерпеть Сергея Есенина звериное ухо черного человека? Черный человек, ты - наша русская беда, ты, черный человек, должен оплатить нам наши утраты, должен. Черный человек, ты нам теперь не так страшно опасен. Мы научились угадывать себя.

Черный человек - прячущий свое обличье человек: Дзержинский, отец которого - богатый Фрумкин?.. Фрумкин - тут. Фрумкин - у Кагановича, Фрумкин - Есенину мешает.

Фрумкин - на "забугорных голосах"... Пропали мы!

А в "Стране негодяев" Есенин нарисовал Чекистова, разве не черного человека, разве не Фрумкина или Бронштейна? Замарашкин удивляется:

*Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей...
Все равно в Могилеве твой дом*

*Чекистов
Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.*

Тяга укрощать, гримироваться, подражать - у них неистребимая тяга. Сильнее тяги к храмцлаху и к фаршированной щуке.

*Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный человек,
Черный человек
На кровать мою садится,
Черный человек*

Спать не дает мне всю ночь.

Устал Есенин. Забылся Есенин. Дремлет Есенин. Черный человек идет. Черный человек идет. Впереди себя толкает женщину и ребенка. Завывает: "Я мужа ее убил! Я мужа ее убил!.." Есенин жену узнал, Изряднову, узнал. Сынишку, Юру, узнал. А Черный человек идет. А Черный человек идет.

Дремлет Есенин, дремлет. А Дункан перед окном "Англетера" танцует. Дункан танцует. Птицей скользит. Птицей скользит. А Черный человек по небоскрегам идет, по небоскрегам идет: "Я мужа ее убил!.. Я мужа ее убил!.."

Дремлет Есенин, дремлет. А над его могилкой Галя сидит. Сухую глину перебирает. А Черный человек опять воет: "Я мужа ее убил!.. Я мужа ее убил!.."

Раскосый. Черный. В полосатой кофте или в тельняшке. Черный человек идет. Черный человек идет. С Ордынки идет. С Шаболовки вдет. С Таганки идет. С Мясницкой идет.

А по ночной Москве Костя бежит. Таня бежит. Дети Есенина и Райх бегут: "Маму погубили!" Куда они бегут? А Черный человек: "Я мужа ее убил!.. Я мужа ее убил!.." Раскосый. Черный.

Дремлет Есенин, дремлет. И видит - мать его поднимается, седее зимы, святее смерти: "Детей твоих разорили! Сестер твоих разорили! Дом наш разорили! Зачем, сынок, я тебя родила?.." Мать стоит. Сестры стоят. А Черный человек распластывает Есенина и - каблуками, и - каблуками!.. Раскосый, черный.

Дремлет Есенин, дремлет. Тишина холодная в "Англетере". А Черный человек истаивает, истаивает. И вот он - почти карлик, верткий и беспощадный.

А Дункан танцует. Дункан танцует. Птицей скользит. Птицей скользит. И - тишина. Холодная тишина. Луна глядит в окно гостиницы, Христос ли задумался на облаке? Лишь серебристый иней в саду, как пристуженные морозцем слезы, горит и сверкает, горит и сверкает.

Проговорился Есенин, мол, правит Россией Лейба... Бухарин упоенно издевался над мертвым поэтом: то у него Есенин - мужиковствующий, то - юродствующий, то - хмельно целующий Бога, то - матерящийся в Бога, то - угрызающийся, готовый повеситься из-за вчерашних выходок, неумный, крестьянствующий ухарь и недотепа...

И это - член Политбюро, главный редактор газеты "Известия", коммунар, "закаленный в

горниле борьбы" с самодержавием? Откуда у него ненависть кремлевского циника, бытового хозяйчика, самца, подержанного знатока юных девичьих достоинств?.. Не пощадил жену, "быстро устаревшую" для "выдающегося деятеля", взял, как выхватил, ее сестренку, малолетку-пышку, а тоже мудрую - члена Политбюро примахнула...

Сильно нравственный, Бухарин ерничал: дескать, не прикончили, а только влать кое-каких подрасстреляли царей, цариц, царевен, царевичей и разных там светских барышень, немножко погрохали. Кого - в висок, кого - в сосок, кого - в сердце, но укокошили. Государь - рухнул. Государыня - упала. Дочери - мертвы. Сынишка, наследник - брыкался. А Сергей Есенин, поди, жалеет, сочувствует? Ручку "чмокал" у царицы... Стрелять надо!

Илья Эренбург еще вздохнул о Есенине. Мало одного раза? Галина Бениславская бредит. Пьет. Литератор Устинов, пообещавший рассказать о гибели Есенина, наутро был найден опочившим. Что это? Устинов еще в "Англетере" приобщился к истине сомнений? Войдя в номер, с другими, застал витающую смерть?..

Следы крови - на полу. Следы крови - на брюках. Следы крови - на рубашке. А пиджак? Шкаф отодвинут от стены. В стену - ход? Ход - двери? Закрыты, но - отворились?.. Девочка, гимназистка, в тот вечер, обнаружен ее "дневничок", - загляделась, на цыпочках, издали, в есенинское окно. Свет погас, но судорожно вспыхнул. Тени начали метаться, крутиться, за шторой, и кататься... Много догадок. Много людей, включенных в тайну гибели поэта.

Но тайны нет. Сергей Есенин убит еще до гибели. Убит подлецами, ненавидящими его русский облик, его неповторимый русский голос. Они и сейчас мстят!.. Есенину мстят. Народу мстят. Давно ли Есенина судили, обвиняя его в антисемитизме? Требовали уничтожения. Долгий суд - изуверство. Безжалостный суд - больница. В больнице Есенин решает бежать из Москвы, бежать от преследований.

Рюрик Ивнев подчеркивал: прощаясь с друзьями, сестрою Шурой и Татьяной Толстой, поэт не торопился успокаиваться, интуитивно чувствовал неотвратимое. Он ведь - "националист, монархист, черносотенец"!.. Как знакома картина, "доска почета", пестрящая ветхозаветными ярлыками. Суд над русским - за русский дар его, за русское происхождение его. А ныне, при Ельцине?..

Верный "родич" гестаповцам, застарелый и обтрепанный, как арабийский гриф, жаждущий жертвы, Лазарь Моисеевич Каганович в "Аргументах и фактах" хрипит: "Были времена похуже, но меня волнует сейчас идеологическая сторона и то, что происходит у нас. Куда завернет это "возрождение" России? Позавчера один старичок говорил по телевизору: "У нас сейчас начинается возрождение русской культуры". Что за чушь такая! Мелет! И разрешают ему по телевизору болтать! Возрождение русской культуры!.."

Палач взвинчен, сомневается - а вдруг возродится Россия?.. Слова "большой шовинизм", "национализм" глотает со вкусом, как горячие капли крови.

В этом же номере "Аргументов и фактов" Лев Троцкий "оплакивает" Ленина. Оказывается - любит, тоскует, помнит вождя и соратника. О Сталине цедит слюну воспоминаний: "Сталин хотел власти. Передавал ли Сталин Ленину яд, намекнув, что врачи не оставляют надежды на выздоровление, или же прибегнул к более прямым мерам, этого я не знаю. Но я твердо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки..."

Можно подумать - Лев Троцкий пощадил бы Сталина, если бы сел на "трон". Умеют соскребать русскую кровь с Бронштейна и Кагановича журналисты-христопродавцы, умеют. И Свердлова маскируют под "рабочий террор", но:

*Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, -
Так говорил по Библии
Пророк Есенин Сергей.*

И:

*Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.*

Есенин! Я видел твое лицо через несколько часов после гибели. Твое лицо оставили нам фотографии и маска. Какое лицо! Вот оно - тревожное, безумно-удивленное, потрясенное, словно, споткнувшись, обнаружило на миг такое страшное зло, о котором ты, живой, лишь мог только догадываться!

Лицо огромного мыслителя. Этот лоб. Эти большие лучи глаз. Думающее, страдающее лицо. А вот - лицо мученика. А вот - лицо поэта, поразившего мир словом. Лицо,

вобравшее в себя все чувственные состояния народа. Сам ли ты умер? Не толкнула ли тебя какая-то черная сила черного человека? Сам ли ты умер? Болезнь ли тебя привела к трагической черте? Болезнь ли? Горе ли? Травля убила тебя? Суды убили.

И тут же, как нечистоплотная свекровь, зашушукал Илья Эренбург: да, мол, да, о чем речь, когда Есенин, мол, тот самый, который недавно пас коров, а теперь создает модные школы, посвящает, дескать, стихи, как равному. Конфреру пророку Исайе... Модничал, носил цилиндр.

А знал ли он, деревенский и недалекий, настоящее, мол, назначение цилиндру и человеку? Стройный по своей демагогической беспощадности, Илья Эренбург не мог "уловить" Сергея Есенина, слишком разно они глядели на жизнь, на народ, на пророка и на Родину...

* * *

Из мглы небытия "возвратилась" Гиппиус, у которой мог "отнять кошелек" Сергей Есенин... "Возвратился", как его полоскали учебники, "мракобес" Мережковский. Да мало ли их, кого отправили под пулю и на "зарубежные" колеса?

Но "не возвратился" гениальный русский поэт - Сергей Есенин. Он раньше остался на века в России, припал к родной земле золотой головою и умер. Есенин - третья жертва казнителей, их "орденского" клана: Гумилев, Блок...

*А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.*

"Ветр рыдает", звуки рыдают, рыдают слова - душе тесно... А телевидение? О есенинских праздниках не говорят, поэтов не показывают. Распомаживают незабвенную Боннэр. Есть у нас, наивных почитателей Есенина, и этакая размалеванная Нинэль. Пришел в ЦДЛ на есенинский вечер, там - Исайка. Завернул в Дом союзов, там - Андрей Дементьев. В Константинове попал, там - Олег Попцов или Познер.

Если бы наша пресса не была, в основном, не нашей, разве бы она захваливала так кровавые программы вождей революции, прорабов перестройки? Не надо ни в чем доходить до тупика, упираться в бетонную стену. Каждый, на кого я "нападаю", имеет

"свое" право не меньше, чем я "свое", и никуда от этого не деться: жизнь одна, но у каждого своя, да и каждый - каждый, а не застывшая буква.

Нет у меня ни к кому зла. Пусть в их доме надежда и свет вечно согласуются. Да и можно ли о себе думать: "Только я и рассуждаю верно, а остальные - не те!" К Есенину идут, едут, тянутся. Прикоснуться - необходимые порывы человека, вдруг вспомнившего, кто он, что с ним.

Поиски нового, впереди Есенина и за спиной, предположения о его смерти, воображаемые варианты ее, нанизывание имен врагов Есенина на пику, дабы доколоть их, не врагов, а уже прах врагов - не геройство. Нужна сдержанность. Начали изучать криминалисты, эксперты, врачи, следователи обстоятельства гибели величайшего поэта, начали - полилась баланда банальностей: "Не так, а вот так, не тот, а этот, не она, а другая, не сам, а чекисты!.." И растекается отсебятина, спекулятивная жижа. Стандартники.

Красивый поэт. Вдохновенный поэт. Пощадите красоту. Пощадите вдохновение: не лезьте со "своим", не ломитесь вышибалой туда, где трепет! Не мешайте опыту. Лишь опыт позовет истину...

Начали срывать повязки с теплых ран. Начали вертеть в ножевых пальцах золотоволосую голову: "Ах, шрам, ах, порез, ах, горло сдавлено!" Да, шрам, да порез, да, горло сдавлено, да, наверное, убит палачами, но где и когда, но кем и зачем?..

Есенина не одолеть ни любовью, ни ненавистью, ни равнодушием, ни себяпроталкиванием. Смилюйтесь над ним и над нами: работайте, доказывайте молча, не ошибайтесь по редакциям заранее, авансом не орите с экранов и сцен! И не воркуйте по конторам, защищая Есенина, у него не обозначилась нужда в вас, зобастых и старательных.

Левка Шнейвас и Петька Редькин - артисты. Под "новогодней елкой" в еврейском театре зевак потешали. Левка - тонюсенькая Снегурочка, в белой шубке, полы оторочены, и в белой шапочке, нежная и румяная. А Петька - Дед Мороз, в тулупе, варежках, ушанке, и бороденка.

Левка Шнейвас, то есть Снегурочка, кокетничал, кокетничал, подмигивал и скалился, а водку из "мерзавчика" потягивал. Петька, крадучись, ее угощал. Насосались оба "на морозе"... Петька Редькин, Дед Мороз, Левку Шнейваса, Снегурочку, и оскорби при исполнении служебных обязанностей: - Не смей алкашить, женщина!..

А та в слезы. Разобиделась, да как задаст Петьке затрещину: - Мужлан!..

Петька хохочет, и зрители хохочут. Снегурочка ревет. А милицейский чин наблюдает. Слышит, чуткий начальник. Снегурочка и Дед Мороз уже обзываются. - Свинья! - уверяет Снегурочка... - Дармоед! - отбрехивается Петька... - Антисемит. Составляя на них протокол, милицейский чин зафиксировал: "Скандал на межнациональной почве!.."

Но виновата не почва, а водка русская виновата:

*Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз -
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.*

Это вам - Есенин. Его послание Мариенгофу. С другом прощался и стихи ему посвятил, расист... А не Хлебников ли мой втерся на сцену со Снегурочкой вместо Петьки Редькина, жидкобородый и носом влажный?..

Запылала соблазном высказаться по поводу смерти Сергея Есенина увенчанные трибунным гвалтом Троцкий и Бухарин, соревнуясь в брюзжании. А там - Н. Осинский, Л. Клейборт, П. Коган, П. Петровский, Г. Лелевич, В. Киршон. Саранча...

Витиевато и трусливо произнес над покойным поэтом что-то невнятное Л. Сосновский: "Есенин - свихнувшийся талантливый неудачник". Так грустно обстояло дело. Есенин, Есенин!.. Тебе слово - меч воину. Тебе слово - роса травине. А у них-то все короче и нормативнее: неудачник, и точка. А он, Сосновский, удачник? А они - удачники?..

Есенин - звезда, большая и неугасимая! Есенин. Рязань. Коловрат. Россия. Ветер. Поле. Холмы. Ока. Хочется зарыдать. Хочется припасть к земле и объясниться, покаяться перед ней, успокоить душу свою криком поэта:

*О Русь - малиновое поле
И синь, упавшая в реку, -
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.
Хочется повторять и повторять, причитая:
Я все такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.*

Деревенская Россия - мертвая Россия. А в русских городах - кого только нет? Вот и наострились американцы купить у нас, русских, Сибирь. А Сибирь - разве лишь русская? Но купили же американцы у русских Аляску. Продал же острова в Беринговом море им Горбачев через кавказского магарычника - Шеварднадзе. И остров Даманский на Амуре профорцевали - шашлычники. Напоминаю тебе, читатель!..

Что же будет с нами, с Россией? Великий пролетарский вождь, теперь я знаю, люто ненавидел русских. Ныне демократы продолжают, хотя и отрицают, дело Горбачева. Обобрали Россию, окопачили, растерзали и "щедрее" Горбачева раздают ее за калифорнийские виллы... Несчастливая Россия, кто же в ней хозяин, мы или доллар?

Мы, поэты, обмануты. Мы, пахари, обмануты. Мы, рабочие, обмануты. Мы, ученые, обмануты. Мы, воины, обмануты. Но мы пробуждаемся. Мы начали созревать к сопротивлению. А много ли нас? Нас в утробе матери уничтожают. Русским не разрешают прирастать. Русские, молчите, вам негде высказаться о себе!..

"Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живут, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног трудящихся поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит тогда эти уже покрытые плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают".

Так Сергей Есенин думал в 1920 году, а мы и сегодня еще не стыдимся "социализировать" в поэте то, что в нем стонало, а не аплодировало, то, что в нем противилось, а не поддакивало антирусскому разбою:

*Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи,
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Неужели ты не видишь?
Не поймешь,
Что такого равенства не надо?
Ваше равенство - обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов - хорошая приманка,
Подлецам - порядочный улов.*

Дай фонарь!

Номах просит фонарь, света у Замарашкина просит... Да, поэт и. его "вычерченный" персонаж - не одна и та же философия, не одна и та же личность. Но "мир идейных дел и слов" - из вчерашнего райкома, лексикон литкомиссара. У гения в персонажах - время...

Рязанское княжество простиралось за поле Куликово. Двуострый меч Евпатия Коловрата откован кузнецами-рязанцами. Конница Дмитрия Донского пропылила и по Оке, навстречу Мамаю. Мальчик Циолковский когда-то к звездам романтически унесся отсюда. Славянский полководец и герой Скобелев похоронен здесь. Россия - впереди. Впереди - Россия!..

Под Сергиевым Посадом, в деревне моей - белый снег. Лес - белый, березовый. И равнина - белая. Не саван ли белый - над Россией? Нет, нет. То - белый лунный свет над нами, снег белый, воскрешающий русские души, веет и сеется по холмам брошенным. Нет, нет, то - звезды, белотрепетные, серебром звенят над могилами русских. Встаньте, крылатые ратники!

И - конница, конница, белая, лавинная, и впереди - Россия, Россия, Россия... Сохрани нас, Господи!

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.

С белой равнины придет новый поэт - с белого поля. А с грозного Куликова поля - новый маршал придет, Георгий Победоносец явится. И белый лебединый ветер ослепит недругов России. Мчись, вьюга, мчись, белая птица моя!..

Жизнь усложнилась. Время усложнилось. Усложнилось и все великое наследие поэта. Оно, через десятилетия, видится крупнее, неопровержимее. Сергей Есенин - война за Александра Пушкина, за вечную прелесть и отвагу русского языка, за несравненную память русского человека.

О красном вечере задумалась дорога, Кусты рябин туманней глубины.

Это - такое родное, такое неодолимое, это - только на нашей бессмертной земле. Это - Россия, зовущая, туманновластная, единственная!..

Валентин СОРОКИН

1993 год